

ЛЕКСЕМА *КНИГА* И КОНЦЕПТ «КНИГА» В КНИГОВЕДЕНИИ И В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

© Волков В.В.^{*}, Волкова Н.В.[♦]

Тверской государственный университет, г. Тверь

В статье обосновывается необходимость комплексного междисциплинарного подхода к концепту «Книга», в качестве основных характеризуются общенаучный, «узкокультурологический», обиходный, профессионально-лингвистический и прагматический («прагматический») аспекты. Отмечается особое место коннотативного, философского и гендерного аспектов рассмотрения феномена книги и концепта «Книга».

Ключевые слова: лингвокультурология, концептосфера, книговедение, картина мира, икона, книга, информация, документ, автор, читатель.

Отечественная лингвокультурология, основывающаяся на понятиях «концепт» [22] и «концептосфера» [14], за два последних десятилетия развилась в обширную, динамично развивающуюся область, в рамках которой филология выполняет по отношению к другим гуманитарным наукам специфически «интегрирующую» роль [5]: не только *использует* данные других наук для *своих* целей, но и *помогает* другим наукам и сферам деятельности осмыслить *их* собственное своеобразие и задачи.

Этот потенциал современной лингвокультурологии используется неравномерно. Так, множество работ, в том числе монографических, посвящено «эмоциональным концептам» (например: [10]), немало – политическим (например: [27]). Первые – на стыке с психологией, вторые – с политологией. Вне широкого внимания – концепты, связанные с такими сферами человеческой жизни и соответствующими науками, как педагогика и военное дело, искусство и богословие, медицина и экономика и т.д. Ключевые слова, фиксирующие ядерные концепты («макроконцепты») названных сфер социального бытия, выявляются без труда, ср.: «педагогика» – *образование*, «военное дело» – *война / армия*, «искусство» – *творчество* (художественное), «богословие» – *вера / Бог*, «медицина» – *болезнь / здоровье*, «экономика» – *хозяйство*. За каждым из этих именованных – актуальный объект лингвокультурологического (и филологического, и в целом гуманитарного [5]) исследования.

В этом ряду лингвокультурный концепт «Книга» и соотносительная с ним одноименная ядерная (дескрипторная) лексема *книга* занимают особое

^{*} Профессор кафедры Русского языка, доктор филологических наук, профессор.

[♦] Доцент кафедры Филологических основ издательского дела и литературного творчества, кандидат филологических наук.

место, поскольку книга как явление культуры не соотносится с какой-то одной, особенной, относительно автономной сферой социального бытия, но связана со всеми сферами культуры и цивилизации, которые вне книги как основного носителя информации существовать не могут.

Многогранность книги как феномена культуры соотносится и с тем обстоятельством, что в Номенклатуре специальностей научных работников специальность 05.25.03 – библиотекведение, библиографоведение и книговедение, хотя и отнесена к группе специальностей «Документальная информация», однако ассоциирована с существенно различающимися отраслями науки: с науками историческими, педагогическими, филологическими и техническими [17]. Поскольку считать такое ассоциирование случайным не приходится, то следует предположить, что в «Книге» как концепте, то есть, с семиотической точки зрения, в «макрознаке», проявляется типичное свойство любого знака, а именно: асимметричный дуализм, связанный с преобладанием плана содержания над планом выражения. «План выражения», «телесность» книги как культурного феномена отражает тот факт, что она является не только информационным, но и материальным объектом и в этом качестве требует решения *технических* задач ее производства и использования (полиграфия, техническое обеспечение работы библиотек и т.п.); «план содержания» – с остальными компонентами из указанного списка (история, филология и педагогика). И это лишь самые тесные, непосредственные содержательные связи, поскольку совершенно очевидно, что без книги не обойдется ни политолог, ни экономист, ни физик.

В рамках лингвокультурологического исследования концепта «Книга» целесообразно различать и до известной степени противопоставлять прежде всего **общенаучный** и **узкокультурологический** аспекты его рассмотрения, понимая под первым и научно-производственную, и общественную, и душевно-духовную ценность книги, а под вторым – лишь душевно-духовную, что обычно и лежит в основе особого, трепетно-бережного отношения к книге как носителю неких «высших ценностей»; далее аспекты **обиходный**, фиксирующий представления «наивного» сознания о книге и книжном деле, **профессионально-книгovedческий**, в основе которого – система научных представлений о книге и книжном деле, и, наконец, **прагмалингвистический** («прагмафилологический»), рассматривающий книгу «в деле» – в соответствии с др.-гр. этимолом *pragma* ‘дело (что сделано, что делается, что нужно сделать)»; обстоятельства, положение дел’ – в процессах диалогического взаимодействия автора и адресата (читателя) посредством книги как семиотического феномена.

В первом случае (общенаучный взгляд) опорное интерпретирующее толкование базовой части семантики концепта «Книга» может выглядеть так: «**Книга** – это особым (“книжным”) образом оформленный, преимущественно текстовой *документ* – носитель определенным образом организо-

ванной *информации*». В этом случае на первый план выходит техническая сторона оформления книги как *документа* – носителя *информации*. Исходя из этой формулировки, дальнейшие процедуры лингвоконцептуального анализа оказываются в «плане выражения», в «материальной телесности» книги связанными с издательскими и полиграфическими вопросами, в «плане содержания» – с семантикой лексем *документ* и *информация*. С этой точки зрения, назначение книги можно вскрыть на основе лингвокультурологического обращения к внутренней этимологической форме существительных *документ* и *информация* [6, с. 9-10].

Внутренняя форма лат. существительного *documentum* ‘поучение, пример, образец; свидетельство, доказательство’ представляется вполне ясной, ее вскрытие приводит к следующим этимонам: к лат. глаголу *docere* ‘учить; объяснять, показывать’, родственному др.-гр. *dokeo* ‘полагать, думать’. Дальнейшая лингвогерменевтическая интерпретация назначения книги как *документа* – «делиться мыслями (деятельность автора) / будить мысль читателя (общая интенциональность книги) / размышляя над прочитанным, создавать (относительно) новые интеллектуальные построения (деятельность читателя)». Как видим, интерпретация достаточно банальна и в каких-либо дополнительных комментариях не нуждается.

Лат. глагол *informare* (с приставкой: *in-formare*) имеет следующий набор значений: 1) придавать вид, форму, формировать, создавать, делать; образовывать, лепить; устраивать, организовывать; 2) обучать, воспитывать; 3) строить, составлять; 4) мыслить, воображать. Как видим, в этом наборе отражены различные аспекты человеческой деятельности с общей семой ‘созидание’ (ср. аналогичный подход в работе: [13, с. 203-212]): это любое ремесло, любое творческое дело (‘создавать, делать’), в том числе труд гончара или искусство скульптора (‘лепить’), работа руководителя (‘устраивать, организовывать’), деятельность учителя, педагога по формированию ума и личности ученика (‘обучать, воспитывать’), труд строителя (‘строить, составлять’), размышления ученого или воображение поэта (‘мыслить, воображать’). Этот ряд легко продолжить. По сути, он охватывает все сферы человеческой деятельности, требующие «привнесения формы», творческого созидательного усилия, преобразующего исходный материал.

Основные значения отглагольного сущ. *informatio*: 1) разъяснение, изложение, истолкование; 2) представление, понятие; 3) осведомление, просвещение. Набор заметно беднее, чем у мотивирующего глагола. Но это несущественно, так как любое из исходных значений мотивирующего глагола так или иначе «просвечивает» (или, в зависимости от нашего воображения, может «просвечивать») в значении производного существительного. Наиболее важное – «придавать вид, форму», обуславливать и обеспечивать целостность, завершенность, способность к жизни и развитию. Именно это значение лежит в основе современного общенаучного (лингвистического и

философского) понимания термина *информация*. Живые организмы, в том числе люди, «несут в себе информацию, которая управляет образованием и ростом самих организмов, происходящими в них процессами, их когнитивными способностями и поведением» [28, с. 311]. Информация созидает структуры человеческого «я» и социального бытия в целом, наделяя их специфическим *оформленным* смыслом.

Любой объект складывается из частей, определенным образом связанных. Содержание связей определяет смысл каждого элемента. Предназначение книги как *документа*, носителя *информации* – внесение новых содержательных элементов и / или переструктуризация связей между существующими – как в индивидуальном внутреннем мире реципиента (читателя, слушателя), так и в общем виртуальном или константном, «реальном» мире. В этом смысле каждая книга – очередная реализация Логоса как упорядочивающего (или «раз-упорядочивающего») начала бытия, а ее автор – в буквальном смысле созидатель (или разрушитель) миров, что налагает особую ответственность как на самого автора, так и на тех, кто использует его произведения, его книги в каких-либо целях.

Во втором, «узкокультурологическом» аспекте необходимо трактовать содержание концепта «Книга» через идентификатор *духовная культура*. В этом случае опорное интерпретационное толкование базовой части семантики концепта «Книга» может выглядеть так: «**Книга** – это особым (“книжным”) образом оформленный, преимущественно текстовый *документ* – носитель определенным образом организованного содержания, представляющего *культурную ценность*». Техническая сторона, как и в предыдущем случае, сводится к издательским и полиграфическим вопросам, а вот вторая компактной, логически строгой интерпретации практически не поддается, как не поддается такой интерпретации само понятие «**культура**», – если, разумеется, не считать достаточными формулировки типа «культура – это совокупность всех богатств, которые выработало человечество», которая восходит к высказыванию В.И. Ленина, основывается на «идентификаторе бессилия» *богатство*, или «культура – это совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни» [16, с. 480], которая основывается на столь же трудноопределимом идентификаторе *достижения*.

С культурологической точки зрения, интуитивно-феноменологически ясно, что природа книги – двулановая: с одной стороны, это материальный объект, артефакт, с другой стороны, душевно-духовное (информационное) явление. Однако в академических словарях русского языка, аккумулирующих устойчивые обиходные представления о книге, специально зафиксирована лишь первая из этих сторон: сущ. *книга* толкуется как «произведение печати в виде сброшюрованных, переплетенных вместе листов с каким-л. текстом» [16, с. 434], то есть как предмет сугубо материальной культуры;

соответственно, и *книговедение* трактуется как «комплексная наука о книгах, произведениях печати как явлении культуры, предмете производства и распространения» [23, с. 343], далее и *книголюб*, и *книгочей*, и даже *книжник* ассоциируются через тесную связь (по параметрам ‘любить’, ‘читать’, ‘знать’) с *книгой* именно как «произведением печати», то есть как с материальным объектом. Душевно-духовная составляющая книги, разумеется, вовсе не исключается такими прочтениями, но она пресуппозитивна, лишь «подразумевается», но не вербализуется в толкованиях явно.

В этом отношении словарные дефиниции *книги* сходны с секулярными толкованиями (а следовательно, и с обиходными представлениями носителей языка) существительного *икона* (ср.: «У православных и католиков: предмет поклонения – живописное изображение Бога, святого или святых...» [23, с. 295]), которые совершенно не отражают существа религиозного назначения иконы: во-первых, *поклоняются* вовсе не *иконе* как артефакту, а тому, *кто* на ней изображен и *что* изображено; во-вторых, в религиозно-сакральном смысле икона – не просто «живописное изображение», но окно в «мир иной», с которым *через* икону, *благодаря* иконе верующий может соприкоснуться. «Икона, – писал П.А. Флоренский в работе “Иконоста́с”, – и то же, что небесное видение, и не то же: это – линия, обводящая видение. Видение не есть икона, оно реально само по себе; но икона, совпадающая по очертаниям с духовным образом, есть в нашем сознании этот образ и вне, без, помимо образа, сама по себе, отвлеченно от него – не есть ни образ, ни икона, а доска» [24, с. 443]. Так и книга: если не видеть скрытого за ней особого душевно-духовного мира, она всего лишь сброшюрованные листы бумаги с каким-то текстом. Именно существо книги как «окна» в этот мир нуждается в особом внимании – не столько собственно книговедческом, сколько комплексном культурологическом.

Заметим, кстати, что в шутивно-ироническом словоупотреблении сущ. *иконоста́с* (о большом количестве правительственных наград, висящих у кого-л. на груди) прочитывается отчетливый мелиоративный оттенок: награды – лишь знаки того, что стоит *за* ними, сами по себе награды вторичны и по большому счету особой ценности не представляют; важно иное – *за что* человек заслужил их. Аналогичной природы и коннотативная энантиосемия (совмещение в одном слове противоположных оценок) существительного *библиоман*: если, в соответствии с семантикой суффиксоида *-ман*, человек *чрезмерно* увлечен лишь внешней стороной книгособирательства, если его интересуют книги прежде всего как артефакты, то окраска, видимо, пейоративная или, как минимум, не лишена некоторой скептической иронии; если человек погружен в те культурные смыслы, которые несут в себе («внутри» себя) книги, то окраска – мелиоративная, и скорее такого человека назовут не *библиоманом*, а *библиофилом* или *книжником*, человеком *книжной культуры* – в комплиментарном прочтении этого словосочетания. «Исходный пункт биб-

лиофилии, – писал специально исследовавший эти явления М.Н. Куфаев, – с о д е р ж а н и е , заполняющее всю книгу, выявляет затем самую книгу, как объект любви». Для библиомана же, как «выродившегося библиофила», важен сам факт обладания, «... сознание, что книга – егó, для негó и второго его я – вот главное, что отличает библиомана как маньяка, как ненормального человека» [12, с. 36, 54]. Библиофильство – примета принадлежности человека духовной культуре, библиомания – знак его приверженности исключительно материальным ценностям.

Продолжая аналогию книги с иконой, следует подчеркнуть их принципиальное различие: если икона – окно в «мир иной», то книга, если не иметь в виду издания типа Библии или Корана, – окно в «мир людей». В книге, основывающейся на аккумулятивной – «накопительной» функции языка как хранителя и средства передачи культурной традиции, сосредотачивается самое разнообразное знание. Эта ее особенность фиксировалась, в частности, в широко тиражировавшемся в советскую эпоху, приписываемом Н.Г. Чернышевскому высказывании «Литература – это учебник жизни». Революционно-демократический писатель, литературный критик и философ-утопист имел в виду, разумеется, художественную литературу, но этот афоризм приложим и к книжной культуре в целом.

В третьем аспекте, в современных **обиходных** представлениях, в общем, наиболее типичном случае тяготеющих к утилитаризму, книга – это прежде всего (особым образом технически оформленный) **материальный носитель информации**, причем сущ. *информация* воспринимается «наивным» сознанием не в рассмотренном выше глубинном культурологическом смысле, но в обиходном прочтении «сведения», «сообщения». В проекции, связанном с концептосферой «Повседневность» [26], семантическое пространство концепта «Книга» разворачивается в таких типизированных словосочетаниях, которые чаще актуализируют представления о книге как именно материальном объекте – носителе информации. В частности, словосочетания с сущ. **книга** в качестве главного слова выражают следующие типовые семантико-синтаксические отношения (примеры по материалам: [21, с. 226]): посессивные (отношения вещной принадлежности: *книга сестры / друга / моего приятеля*), агентивные (отношения субъекта, автора: *книга Толстого / Горького / популярного писателя*), атрибутивные («определятельные»: *книга большого формата / с картинками / в суперобложке*; в том числе с отрицанием: *без картинок / оглавления / переплёта*), адресата (*книга для дошкольников / специалистов / широкого круга читателей*). Типизированные словосочетания, фиксирующие представления о содержании книги, выражают отношения самые простые атрибутивные (*книга стихов / воспоминаний*) и изъяснительные (отношения «предмета речи»: *книга о разведчиках / про войну / по математике*). Более подробная характеристика семантики типовых словосочетаний и предложений с сущ. *книга*, репрезентирующих «на-

ивно-языковое представление о книге как материально-идеальной сущности», представлена в работе Н.В. Киреевой, группирующий их по ситуациям «предметным», «издательским» и «информационным», ср., в частности: «Ситуация предметного фрейма включает конститuenty, репрезентирующие бытие книги в мире других вещей в качестве одного из фактов материальной культуры и вне ценностных характеристик: “бытующий объект” (например, книга 1, том); “атрибутивная позиция, объективная характеристика предмета” (например, толстая, тонкая, дешевая); “бытийные предикаты” (быть, лежать, стоять); “акциональные предикаты, обозначающие действие с книгой как объектом” (например, брать, купить, порвать); “локативы, место бытия книги” (например, книжная полка, шкаф, стеллаж). Атрибутивные характеристики и оценки, сопровождающие предмет *книга*, объективны и основаны на эмпирических данных. При этом бытие книги в реальном мире всегда предполагает участие человека – каузатора / ликвидатора бытия и изменения местоположения книги и субъекта оценки. Например, положение дел – *Книга лежит на столе* – в пресуппозиции содержит смысл *Кто-то взял книгу, принес и положил на стол*» [8, с. 312]. Ситуации «издательские» и «информационные» соотносятся с характеризуемыми нами в данной работе профессионально-книговедческим и «общенаучным» аспектами комплексного рассмотрения концепта «Книга», семантические основы и концептуальные структуры которых существенно отличаются от обиходных.

Следует заметить, что отображенные в лексикографических источниках и в высокочастотных выражениях обиходные представления об общем содержании и назначении книги оказываются в высокой степени диффузными, размытыми – вплоть до того, что в определенном смысле можно даже говорить о **десемантизованности** лексемы книга, об утрате ею существенной части своего сигнификативного содержания, при сохранении содержаний денотативно-референциальных и эмоционально-ценностных (коннотативных), что однозначно подтверждается, в частности, материалами «Русского ассоциативного словаря». Первый том словаря, отражающий путь обработки ассоциативного материала «От стимула к реакции», содержит следующие данные о реакциях на стимульное слово *книга* (приводим ассоциаты с частотой не менее двух): **«Книга: интересная 12; знание, толстая 5; хорошая 4; жалоб, источник знаний, любимая, читать 3; бумага, книга, непрочитанная, обложка, словарь, умная, фи́га, чтение 2...»** [20, с. 256]. Как видим, в данной ассоциативной группировке представлены реакции оценочного типа (*интересная, хорошая, любимая, умная, фи́га*), реакции на книгу как на артефакт (*толстая, бумага, обложка*), на типовое действие с книгой (*читать, чтение*) и, наконец, на ее назначение, культуродетерминированную социальную роль (*знание, источник знаний*).

«Семантический треугольник» (точнее, «семантическая трапеция», включающая денотат, сигнификат и коннотативные содержания [5, с. 71-80]), лек-

семьи *книга*, как по структурно-семасиологическим, так и по психолингвистическим данным, в рамках обиходных представлений оказывается деформированным: гигантски распухший денотат («предметное» содержание) при блеклом сигнификате (внутреннее, душевно-духовное, «информационное» содержание).

В четвертом аспекте, в основе профессионально-книговедческих представлений о книге – понятийно-терминологическая система *книжного дела* как одной из сфер практической деятельности людей и *книговедения* как науки, связанной с данной областью практической деятельности, нацеленной на разработку ее теоретических основ и теоретическое осмысление получаемых в ней результатов.

Основная категория книговедения – *книга*, производные категории связаны с задачами (принципами, закономерностями, «правилами») ее создания, хранения, распространения и предоставления возможностей использования. *Книга* находит свою определенность в оппозиции *произведению* (письменного словесного творчества) по антонимичным семантическим параметрам «внутреннее» – «внешнее». *Произведение* содержится «внутри» книги, за страницами *книги* как своей оболочки, подобно тому как значение слова скрыто за его фонетической / графической оболочкой. Специально отметим омонимию (точнее, расходящуюся полисемию) существительного *произведение*, которое часто используется как синоним сущ. *книга*: с одной стороны, это *произведение*₁ как продукт интеллектуального или (шире) душевно-духовного творчества вообще (*монография*, *уголовный кодекс*, *стихи*, *роман*), с другой стороны, *произведение*₂ как продукт материального производства, как *изделие* (*брошюра*, *подарочное издание*, *двухтомник*). Именования первого из названных типов находятся в отношениях регулярного метонимического переноса (на грани омонимизации) с именованиями второго типа, но не наоборот, то есть именования типа *монография*, *роман* могут использоваться как в исходном значении «*произведение* интеллектуального / художественного творчества», так и в производном метонимическом значении «*издание*, содержащее *произведение* интеллектуального / художественного творчества». Обиходное (не профессионально-книговедческое, филологическое) языковое сознание, как правило, эти два значения не различает.

Задачи *создания* и *хранения* книг как «оболочек» произведений находят свое отражение в родовом понятии *книжное дело* и в производных от него видовых понятиях *издательское дело* и *библиотечно-библиографическое дело*. Дальнейшая разработка этих базовых категорий в рамках издательского дела осуществляется в таких специфических понятиях и терминах, как *издание*, *текст*, *рубрикация*, *перечни*, *сокращения*, *аппарат издания* и др. [15, 18], в рамках библиотечно-библиографического дела – прежде всего в универсальной десятичной и библиотечно-библиографической классификациях [1], далее в технической стороне организации работы библиотек, включая работу с бумажными и электронными носителями [7], и др.

В пятом аспекте, в основе **прагмалингвистического («прагмафилологического»)** аспекта интерпретации концепта «Книга» – вопрос о компактном именовании основного **функционального назначения** книги. В случае лингвокультурологии обычный способ выявления главного предназначения чего-либо – обращение к этимологии. К примеру, обращение к этимологии сущ. *человек* выявляет в качестве главного его предназначения – быть «членом рода» [11, с. 245-250]. Однако этимология сущ. *книга* помочь не в состоянии. Этимологические словари не вносят никакой ясности относительно происхождения и возможных семантических этимонов сущ. *книга*. К примеру, П.Я. Черных прямолинейно подытоживал: «Происхождение не вполне ясно. На славянской почве объяснить невозможно» [25, т. 1, с. 406]. Поэтому представляется небесполезным в поисках хотя бы «квазиэтимона» обратиться к древнегреческому межъязыковому аналогу: *γραμμα* – «все начерченное: 1) письменный знак, буква; изображение, образ, рисунок, надпись; 2) все написанное: письмо, книга, сочинение, запись...» [2, с. 278]. Как видим, логика семантического развития древнегреческого квазиэтимона следующая: от отдельного знака – к целому тексту (записи, книге и т.п.). Ситуация семиотического замкнутого круга: знак как «малый» артефакт (единица плана выражения) – книга как «большой» артефакт (запечатленная совокупность знаков), – назначение этих артефактов внутри них самих не выявляется. В пресуппозиции (в «подразумеваемом»): начерчиваем отдельные знаки, затем собираем все написанное под одной обложкой – *ради чего?* – **для памяти**, накапливая «кусочки памятного», *мнемы* [19, с. 95]. Поскольку в основе концепта «Память» – идея «связи времен», возможности поделиться информацией «сквозь время», то вторая (после *памяти*) основополагающая функция книги – возможность *диалога*, то есть *слова, logos 'a* – «сквозь (< др.-гр. *dia* 'через') времена на основе *книги* как запечатленной на бумаге *памяти*. С этой точки зрения, по библиопсихологической теории Н.А. Рубакина, «... книга есть лишь особый снаряд, цель которого состоит только в возбуждении психических переживаний. <...> Это переживание получаемых раздражений-возбуждений и называется *передумыванием своих собственных дум над чужой речью*» [19, с. 112]. Следовательно, книга – это «запечатленная, опредмеченная *память*», коллективная и индивидуальная, основа для *диалога* людей и поколений [4]. С одной стороны, в ней запечатлена деятельность *автора*, связанная с порождением текста произведения [3]; с другой стороны, деятельность *читателя*, связанная с восприятием, пониманием и интерпретацией читаемого.

Подведем итоги. Кратко охарактеризованными в данной работе пятью аспектами содержание и бытование концепта «Книга», разумеется, не исчерпывается. В частности, в отношениях «наложения», пересечения со всеми указанными аспектами находятся **коннотативные и «переносные»** (метафорически и метонимические) аспекты восприятия феномена книги, в

том числе ее аналогии с человеком, ср. характерные персонифицирующие глагольные или адъективные метафоры: *книга разговаривает* (с тобой) / *шепчет, нашептывает, подсказывает* (тебе), *пророчествует*, *книга – живая / мудрая / спокойная* и т.д. Суммарная интерпретация таких языковых / речевых единиц сводится к следующему. Книга – как человек. У человека есть скелет, мышцы и кожа, но главное не в них, а в личности, которая облечена телесной оболочкой. Произнося слово *человек*, мы имеем в виду не только / не столько его скелет, мышцы и пищеварительный тракт, но прежде всего те его свойства, которые ассоциируются с понятием *homo sapiens*. Налицо регулярная метонимия по параметру «внешнее» – «внутреннее», когда именование «внешнего», «оболочки» выступает как обозначение того, что находится внутри нее. Хрестоматийные примеры: *выпил стакан, съел тарелку*. За этими выражениями стоит представление о выпивании, разумеется, не стакана, а его содержимого. *Прочитал книгу*. Снимая метонимию, получаем: «прочитал *произведение*, содержащееся в *книге*». Данные метонимические значения сущ. *книга* в различных ситуациях его употребления постоянно перемешиваются, часто сливаясь до неразличимости. Так, выражение *прочитал книгу* одновременно означают и «воспринял зрительно текст, напечатанный на этих переплетенных страницах», и «понял содержание воспринятого зрительно текста». За этими разными прочтениями – гигантская психолого-педагогическая (по Н.А. Рубакину, основателю «библиологической психологии», «библиопсихологическая» [19]) и общекультурная проблема способности воспринимать, понимать и интерпретировать поступающую к человеку информацию. Можно *читать*, но не *понимать*. В этом случае «внутренняя» семантика существительного *книга* оказывается неактуализованной.

За пределами внимания остались также философский и гендерный аспекты концепта «Книга». Так, в аспекте **философии книги** данный концепт целесообразно рассматривать на основе оппозиции бытия и существования. Книга – *существует*, заключенная в ней информация – *преживает*. Книга – временна, заключенная в ней информация – вечна. Именно в этом смысле следует трактовать афоризм *Книги не горят*. «Сгореть» может тело книги, но не мысль, не душа, не дух, которые пользуются ее оболочкой в целях удобства диалогического приобщения к себе читателей. **Гендерный аспект**: библиотекари – преимущественно женщины, хранительницы телесности, авторы книг – чаще мужчины, открыватели новых горизонтов. Органичное для разных культур и цивилизаций общее распределение гендерных ролей отчетливо сказывается и в этом. Это, разумеется, только часть вопросов, требующих особого дальнейшего исследования.

Список литературы:

1. Библиотечно-библиографическая классификация: Рабочие таблицы для массовых библиотек. – М.: Либерея, 1997. – 688 с.

2. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь / Репринт V-го изд. 1899 г. – М., 1991. – 1370 стлб.
3. Волков В.В. Порождение речи // Кафедра: Психолого-педагогический журнал. – 2005. – № 3-4. – С. 74-81.
4. Волков В.В. Эвристики антиномий и моделей семантической памяти // Филологический сборник. Вып. 3. – Тверь: Научная книга, 2008. – С. 58-63.
5. Волков В.В. Филология в системе современного гуманитарного знания: учебное пособие / Тверской гос. ун-т. – Тверь: Изд. Кондратьев А.Н., 2013. – 220 с.
6. Волков В.В., Гладилина И.В. Художественный текст в преподавании русского языка как иностранного: Учебное пособие / Тверской гос. ун-т. – Тверь: Изд. Кондратьев А.Н., 2014. – 156 с.
7. Волкова Н.В. Книга: бумажная или электронная? // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. – 2010. – № 5. – С. 147-153.
8. Киреева Н.В. Книга // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 7. – Волгоград: Парадигма, 2009. – С. 307-321.
9. Киреева Н.В. Книга // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 7. – Волгоград: Парадигма, 2009. – С. 307-321.
10. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.
11. Кретов А.А. Славянские этимологии. – Воронеж: Изд-во Воронежск. госун-та, 2009. – 364 с.
12. Куфаев М.Н. Библиофилия и библиомания (Психофизиология библиофильства): Репродукционное издание. – М.: Книга, 1980. – 119 с.
13. Кушнир О.Н. Эволюция русской концептосферы на рубеже XX–XXI вв.: Вопросы динамической лингвоконцептологии. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. – 347 с.
14. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1993. – № 1. – С. 3-9.
15. Мильчин А.Э., Чельцова Л.К. Справочник издателя и автора: Редакционно-издательское оформление издания. – М.: ОЛМА-Пресс, 2003. – 800 с.
16. Новейший большой толковый словарь русского языка / Глав. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.
17. Номенклатура специальностей научных работников [Электронный ресурс] // Высшая аттестационная комиссия (ВАК). – Режим доступа: http://vak.ed.gov.ru/help_desk. Дата обращения: 04.11.2014 г.
18. Основные стандарты по издательскому делу: сб. / Сост. А.А. Джиго, С.Ю. Калинин. – М.: Изд. дом «Университетская книга», 2009. – 326 с.
19. Рубакин Н.А. Библиологическая психология. – М.: Академич. проект, Трикта, 2006. – 800 с.
20. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

21. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М.: Рус. яз., 1983. – 688 с.
22. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академич. Проект, 2001. – 990 с.
23. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.
24. Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – 879 с.
25. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 2001.
26. Чулкина Н.Л. Концептосфера русской повседневности как объект лингвокультурологии и лексикографии: дисс. ... докт. филол. н. – М., 2005. – 345 с.
27. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... докт. филол. н. – Волгоград, 2000. – 440 с.
28. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Гл. ред. и сост. И.Т. Касавин. – М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.